

материалы. Научные разработки и выводы Е. Л. Адель займут соответствующее место в курсах карельского языка в высших учебных заведениях, учебных пособиях и программах для высших учебных заведений и школ.

По существу представленная работа — это первое в финно-угорском языкознании всеохватывающее исследование глагола в карельском языке.

Вместе с тем, у рецензента имеются отдельные замечания и уточнения. Поскольку работа посвящена исследованию глагольного словоизменения в карельском языке, было бы целесообразно в обзоре литературы обратить большее внимание именно на этот вопрос и не приводить работы по другим проблемам карельского языка.

В целях улучшения научной систематизации материала, а также совершенствования методики преподавания необходимо выявление типов спряжения одноосновных и двусловных глаголов. Типы спряжения определяются по т.н. типичным формам, в которых проявляются все изменения, происходящие в основе глагола при присоединении к ней того или иного суффикса или окончания. В финском литературном языке, например, выделены пять таких форм глагола. В словаре современного финского языка (Nykysuomen sanakirja) представлено 45 типов спряжения. Желательно было бы показать место паданского говора (диалекта) в системе диалектов карельского языка.

При публикации работы (она, по нашему мнению, должна быть напечатана) необходимо сделать композиционные перестановки: в основу изложения следует положить категорию наклонения как родовое понятие по отношению к категориям лица, числа и времени. Это позволит избежать ненужных повторов. Кстати, грамматики финно-угорских языков (финского, вепсского, удмуртского) используют эту схему. Внутри каждой главы описание лучше начинать с образования форм, потом давать функции и значения этих форм и в заключение излагать теории о происхождении.

Встречаются некоторые противоречия и разноречия в терминологии. На с. 73—74 утверждается, что глаголы имеют форму I инфинитива на *-oa*, *-ea*, *-ie* и т.д., а на с. 144 — «Морфологическими показателями I инфинитива являются *-a/-ä*, *-o/-ö*, *-e*». Отрицание на с. 53 характеризуется как «глаголообразующее слово *ei* 'нет'», а на с. 63 — «отрицательный глагол карельского языка». Не раскрывается значение некоторых терминов, например «подоснова» (с. 37), «усеченная основа» (с. 38).

В целом следует сказать, что с появлением работы Е. Л. Адель наши знания о карельском глагольном словоизменении обогатились. Прибалтийско-финское языкознание получило аргументированное, добротное, опирающееся на новые материалы исследование.

Г. М. КЕРТ (Петрозаводск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1996.1.14>

Л. Е. Кириллова, *Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)*, Ижевск 1992. 302 с.

20 октября 1993 г. на заседании специализированного совета К 064.47.04 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации научного сотрудника Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы Удмуртского научного центра Уральского отделения Российской Академии наук Л. Е. Кирилловой на тему «Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)» по одноименной монографии. Официаль-

ными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. С. Галкин и кандидат филологических наук М. Г. Атаманов.

Монография представляет собой составную часть большой темы «Топонимия Удмуртии» и посвящена одному из неисследованных и интересных регионов Удмуртии. Она является результатом многолетнего кропотливого труда ее автора. Л. Е. Кириллова в течение шести лет собирала материал в 80 населенных пунктах, непосредственно на местах опросила 150 инфор-

мантов разных возрастов, но что особенно важно — упор делала на пожилое поколение, ибо только у них можно еще почерпнуть данные о названиях исчезнувших реаллий. Кроме того, автор пользовалась списками населенных мест и различными картами, рукописными фондами. Но почему-то ею оставлены в стороне фонды ИГАДА. Собранный материал включает 3627 микротопонимов, которые автор представила не только в типологическом освещении, но и с точки зрения сравнительно-исторического анализа. Это повышает научную и практическую ценность исследования. Об актуальности работы говорит тот факт, что микротопонимия вообще, удмуртская в частности, очень слабо изучена. Монографических работ такого фронтального характера в удмуртском языкознании до сих пор не было. Нельзя сказать, что проблема вообще не затрагивалась: защищены две диссертации по удмуртской топонимике — «Топонимия бассейна Иж Удмуртской АССР» (Казань 1978) Л. В. Вахрушевой и «Этнонимы удмуртов в топонимии» (Тарту 1978) М. Г. Атаманова, в которых в какой-то степени рассматриваются и микротопонимы. Частично проблема затронута в монографии М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика» (Ижевск 1988). Однако данная монография отличается от этих работ широтой охвата материала и методикой исследования.

Ареал для исследования выбран не случайно. Этот регион не моноэтничен, в нем проживают не только удмурты, но и марийцы. С исторической точки зрения и с точки зрения изучения миграционных процессов исследование топонимии этого бассейна очень важно. Только комплексный подход к древней истории региона может принести плоды. В монографии Л. Е. Кирилловой такой метод исследования успешно использован. Она апеллирует к результатам исторических, этнографических, археологических и лингвистических исследований. Очень интересна и впервые ею примененная фонетико-морфологическая характеристика говоров удмуртского языка данного региона. Л. Е. Кириллова впервые дала подробное и системное описание микротопонимов в лексико-семантическом и структурно-словообразовательном отношении, сопоставила в типологическом плане с топонимией других регионов Удмуртии и России, что позволило ей выделить их типы.

Практическая ценность рецензируемой монографии определяется не только ее научной новизной; монография послужит толчком и станет пособием для дальнейшего изучения микротопонимии и топонимии Удмуртии в целом. Большую помощь она окажет и исследователям других регионов с финно-угорским населением, особенно республики Марий Эл. Материалы монографии, как пишет ее автор, нашли уже применение в школьном учебнике по краеведению, а сама монография используется как учебное пособие для студентов Удмуртского государственного университета.

С основными положениями своего исследования Л. Е. Кириллова знакомила ученый мир на Всесоюзной конференции финно-угроведов (1979), на региональных и международных конференциях (1985, 1989, 1990, 1991), на зональных симпозиумах (1990, 1992). Кроме монографии, по теме исследования Л. Е. Кириллова опубликовала 12 статей и тезисы докладов в отечественных и зарубежных изданиях, среди которых две публикации на английском языке.

В монографии автор поставила перед собой следующие задачи: 1) определить место и роль апеллятивов в удмуртских микротопонимах; 2) составить полный свод микротопонимов бассейна Вали; 3) выявить лексико-семантические и структурные типы микротопонимии других регионов Удмуртии и России. Знакомство с рецензируемой работой показывает, что Л. Е. Кириллова справилась с поставленными задачами и довольно успешно.

Монография состоит из краткого предисловия, введения, трех глав, заключения и приложения.

В предисловии даются основные понятия и термины ономастики, схема «Топонимика и ее разделы» и обосновывается необходимость исследования топонимии вообще и микротопонимии в частности.

В приведенной в предисловии схеме Л. Е. Кириллова относит к микротопонимам оронимы, агронимы, дромонимы и дримонимы. Это правильно. Однако четкого определения микротопонима она не дает, а следовало бы. Каким термином в таком случае определять названия мелких ручьев, ключей, озерков, полян, тропинок и т.д.? Наверно, и схему, представленную Л. Е. Кирилловой, можно будет пересмотреть. На мой взгляд, прав В. А. Никонов, относя к микротопони-

мам все названия мелких географических объектов, не ограничиваясь теми, которые указаны в приведенной схеме.

Введение посвящено теоретическому осмыслению понятий «топоним» и «микротопоним», обоснованию выбора темы и ареала исследования, освещению истории изучения топонимии Удмуртии, рассмотрению фонетических и морфологических особенностей говоров удмуртского языка на данной территории. Излагаются краткая физико-географическая характеристика региона и история его заселения.

При определении понятия «микротопоним» Л. Е. Кириллова рассматривает семь отличительных черт: 1) непосредственное название данного объекта, 2) название объектов, меньших по размеру, 3) известность на узлокальной территории относительно узкому кругу пользователей, 4) меньшая устойчивость, 5) большая подверженность изменениям и эллиптированию, 6) способность быстро изменяться в связи с изменениями социально-экономических и природных условий, 7) большая близость к нарицательным именам и в зависимости от этого частое употребление названий-ориентиров.

Рассмотрев историю изучения удмуртской топонимии, Л. Е. Кириллова приходит к справедливому выводу, что, несмотря на оживление исследований в области топонимии в Удмуртии, нерешенных проблем еще очень много. Она ставит перед удмуртскими учеными 12 неотложных задач: необходимость фронтального и планомерного обследования топонимии Удмуртии, создания топонимической картотеки, разработки теоретических проблем, создания топонимических словарей и т.д. Подобные задачи стоят и перед топонимистами других финно-угорских республик. Важно использовать и компьютерную систему в исследовании топонимии.

Глава первая посвящена анализу апеллятивной лексики. Здесь рецензент солидарен с Л. Е. Кирилловой в том, что термин апеллятив для наименования нарицательных имен, входящих в географические названия, более подходит (с. 84). Она верно делит все апеллятивы на восемь семантических групп по характеру описываемых ими реалий: 1) гидрографические апеллятивы, 2) орографические апеллятивы, 3) апеллятивы, связанные с землепользованием и обработкой земли, 4) апеллятивы, обознача-

ющие типы и виды поселений, 5) апеллятивы, обозначающие участки, занятые лесом и кустарником, 6) апеллятивы, называющие различные объекты хозяйственного назначения, 7) апеллятивы, выражающие пространственные отношения, 8) метафорические апеллятивы.

Почти все апеллятивы проанализированы этимологически. В целом этимологии не вызывают возражений, они аргументированы с привлечением данных родственных и неродственных языков, часть почерпнута из этимологических словарей (КЭСК; Ф. И. Г о р д е в, Этимологический словарь марийского языка, Йошкар-Ола 1979, 1983; UEW).

Рассмотрев апеллятивы, выступающие в качестве детерминантов, прямо указывающих на объект, автор приходит к верному выводу, что в таком случае они занимают постпозицию. Если же апеллятивы выполняют функцию атрибута, то они располагаются в препозиции. Такое явление характерно не только для удмуртского, но и для остальных финно-угорских, тюркских, монгольских и других языков.

Первоначально нарицательные слова позже стали использоваться и для обозначения местности, связанной с определенным объектом, затем, превратившись в апеллятив, — в качестве топонимов и микротопонимов, в функции топоформантов.

С одной этимологией нельзя полностью согласиться. На с. 88 Л. Е. Кириллова возводит гидроним *Ува* к одному источнику с коми *ва* 'вода', основываясь на том, что местное удмуртское население эту реку называет не *Ува*, а *Ва*. Рецензент считает, что в данном случае в произношении местных удмуртов начальный гласный *y*-отпал, а гидроним *Ува* скорее всего имеет индоевропейское происхождение, ср. *Уна* — правый приток р. Ока в Тульской области, *Уба* — правый приток р. Иртыш в Казахстане.

Было бы неплохо также удм. *гон* 'лог, ложбина, лошина; дол' сравнить не только с коми *гөн* 'маленькое озерко, углубление, ямка, лунка, лужа', но и с мар. *куп* 'болото'.

Во второй главе рассматриваются лексико-семантические типы микротопонимов. Классификацию, как представляется, Л. Е. Кириллова производит правильно, положив в ее основу определяющий компонент названия-словосочетания, ибо он является выразителем основного признака наименова-

ния того или иного объекта, т.е. носителем основного лексического значения.

Пользуясь традицией, она делит все названия на три большие группы: 1) названия, содержащие характеристику физико-географических свойств объектов; 2) названия, в которых получили отражение хозяйственная и практическая деятельность человека, быт и общественные отношения; 3) названия, образованные от собственных имен. Каждая группа делится на более мелкие, конкретизированные группы, что несомненно делает анализ детальнее и глубже.

Интересной особенностью отантропонимических микропонимов бассейна Бавлы является то, что в них много производных от русских имен, производные же от удмуртских составляют меньшинство. Это и понятно, ибо микропонимы по времени образования являются в основном достаточно поздними и свидетельствуют о том, что появились они не раньше присоединения исследуемого региона к Московскому княжеству.

Содержание главы и выводы не вызывают возражений, хотелось бы только остановиться на одном моменте. На с. 158 монографии и с. 19 научного доклада приводится группа микропонимов, образованных от антропонимов неизвестного происхождения. Непонятно, как автор определила, что в основе этих микропонимов лежат антропонимы? Например, микропоним *бобавыр(т)* рецензент рассматривал бы не как отантропонимный, а как отландшафтный, если так можно сказать. В марийском языке есть слово *вова* 'большая глубокая сухая яма', которое, очевидно, восходит к тому же источнику, что и удм. *боба-* в микропониме *бобавыр*.

В третьей главе Л. Е. Кириллова провела скрупулезное исследование микропонимов с точки зрения лингвистической структуры. Конечно, в этом разделе, казалось бы, ничего нового найти нельзя. Однако у каждого языка есть свои особенности. Л. Е. Кириллова сумела выявить их, используя метод типологического анализа.

Очень жаль, что автор монографии на с. 180 не сообщила, как называются микропонимы русского образца по-удмуртски, хотя и пишет, что «в речи местных удмуртов эти объекты имеют другие имена». Вот именно эти имена, по-моему, надо доско-

нально исследовать в сравнительно-историческом плане. При изучении древнейшей и древней истории того или иного региона такой анализ вместе с данными археологии и этнографии дает убедительные результаты.

На с. 181 Л. Е. Кириллова среди двусоставных микропонимов выделяет группу, в которой первым компонентом является прилагательное, вторым — существительное в номинативе единственного числа. Таких микропонимов она нашла тридцать. Если подойти к этому вопросу с точки зрения общего языкознания, то в этих микропонимах нет никаких прилагательных: *возмо* 'наперегонки' или *лушкэм* 'тайком' — это наречия. Мне кажется, в таких микропонимах произошли эллиптирования, какие-то слова просто исчезли. Восстановить их — задача топонимиста, в том числе и Л. Е. Кирилловой.

Типологический анализ привел Л. Е. Кириллову к выводу, совершенно верному, что образования типа существительное в номинативе плюс причастие характерны для удмуртского языка. Такой тип свойствен и марийскому языку. Но, как мне кажется, это касается не всех финно-угорских языков. В этом отношении необходимо учитывать языковые контакты.

Отмечая своеобразие удмуртской микропонимии, Л. Е. Кириллова делает вывод, что 1) аффиксация для удмуртской и вообще финно-угорской микропонимии не характерна, 2) нет образований с предлогами и 3) слабо развиты глагольные наименования (с. 195—196).

Приведенная на с. 197 таблица хорошо иллюстрирует выводы автора. Весьма интересен вывод о том, что для удмуртского языка простые производные микропонимы не характерны. В регионе обнаружено всего 12 подобных названий, да и те русского происхождения. Совершенно права Л. Е. Кириллова, что основные особенности микропонимов Удмуртии определяет сам тип удмуртского языка.

Рецензируемая монография представляет собой первое фундаментальное исследование по микропонимии Удмуртии и остается пожелать ее автору больших творческих успехов в дальнейшей исследовательской работе по избранной теме.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)